

НАШ СОВРЕМЕННОК

ОСНОВАН А. М. ГОРЬКИМ В 1933 ГОДУ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

■
ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

5-1988

Главный редактор
С. В. ВИКУЛОВ

Редакционная
коллегия:

В. П. АСТАФЬЕВ,
В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
Г. И. БУЗМАКОВ
(зав. отделом очерка
и публицистики),
И. А. ВАСИЛЬЕВ,
В. Ф. ГРАЧЕВ
(зав. отделом прозы),
А. И. КАЗИНЦЕВ
(заместитель главного
редактора),
Г. Г. КАСМЫНИН
(зав. отделом поэзии),
В. И. КОЧЕТКОВ,
А. Г. КУЗЬМИН,
С. Ю. КУНЯЕВ,
С. М. ЛУКОНИН
(ответственный
секретарь),
Е. И. НОСОВ,
В. Г. РАСПУТИН,
В. М. СВИНИННИКОВ
(первый заместитель
главного редактора),
Г. В. СЕМЕНОВ,
Г. В. СЕРЕБРЯКОВ,
И. И. СРЕЛКОВА,
П. П. ТАТАУРОВ
(зав. отделом критики),
О. А. ФОКИНА,
Л. А. ФРОЛОВ,
А. И. ХВАТОВ,
Н. Е. ШУНДИК.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА», МОСКВА

© «Наш современник» № 5

Евгений ЧЕРНЫХ

НАСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

1. МУЖИКИ, МУЖИКИ...

БОЮСЬ заходить на наше сельское кладбище. И причиной тому вовсе не панический страх перед покойниками, заставлявший в детстве делать огромный крюк по росистому лугу, лишь бы не возвращаться вечером из клуба проселочной дорогой близ погоста. Однажды, набравшись духу (всякий деревенский мальчишка рано или поздно проходит испытание ночным кладбищем), все же заставил себя под стук готового в любой миг разорваться сердца медленно войти при луне в те страшные ворота.

Сегодня боюсь заходить сюда днем. Пугают даты. На крестах, памятниках. Знакомые лица на фотографиях, фамилии. У иных дата рождения — конец прошлого, начало нынешнего века. Хорошо помню этих стариков. Дожидаясь повозки с хлебом, они собирались у магазина, вели степенные разговоры. О земляке силаче Бедиле, боровшемся с самим Поддубным, или братьях Светловых, легко игравших мельничными жерновами. Вспоминали коммунистку Варвару, зарубленную мамонтовцами во время их печально знаменитого рейда. Финскую кампанию, бои с фашистами, совсем не по-книжному называя врага «он»... Так мы, жадно слушающая их ребятня, узнавали, почему улица возле большака зовется Варваровкой. А школьный сад — Светловым. Впрочем, и про ответ Керзону впервые услышали мы здесь, на лужайке у магазина, а уж когда подросли, прочитали в учебнике истории.

Мудрые, добрые старики. Отжив свой век, свершив на этой земле свое предназначение, тихо уходили в мир иной. И год от года редела лужайка возле магазина. Но не их могилы на нашем сельском кладбище пугают меня. А тех односельчан, кому едва перевалило за пятьдесят, кто не дотянул и до сорока. Вот лежит мой школьный товарищ. Ему не было даже тридцати. Смотришь на эти ранние могилы, и сжимается сердце...

Мужики, мужики... Цвет села, надежда и опора совхоза. Какая сила в самом рас-

цвете лет выкосила вас? Война? Голод? Болезни? Вас я тоже помню сидящими на лужайке у магазина. Но не в ожидании хлеба собирались вы там, иной была ваша цель...

Торопливо собирали по карманам мятые рубли, через головы хлебной очереди совали их продавцу дяде Феде. Тут же, за углом, спешно опрокидывали в себя захватанный стакан с мутной «червивкой», жадно хрустели засохшими пряниками. И разговоры вели другие. Не о давних временах — вчерашних «событиях». сколько, с кем, чего вчера выпил, как добрался до дому... С тоской смотрели пьяными глазами на опустевшую посуду, без толку шарили по карманам и расходились.

«Червивка», «бормотуха», самогонка убили вас! Этот разбился на машине, заглянув попутно в «забегаловку» на центральной усадьбе совхоза, почему-то названную рестораном «Ромашка». Тот упал с лошади и сломал себе шею, возвращаясь «под мухой» со свадьбы дочери, этот утонул в речушке, потому что «пьяному и море по колено», тот замерз на большаке, «согревшись» изрядной долей «сорокаградусной», а этот сгорел в собственной хате, закуряв по пьянке папиросы в кровати... Земляки мои, соседи, ровесники! Ни один из вас не умер своей смертью, как те старики. Ни один! Смерть собирала обильную жатву с пьяного поля. И, казалось, не будет этой страшной жатве конца-края. Но в мае 1985 года, к счастью, было принято постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма».

Сразу после принятия антиалкогольного Указа собрались мои земляки на сход. Много было споров, решали: оставлять в продаже спиртное или запретить? Мужики, крепко привыкшие за долгие годы к водке, артачились. Но женщины победили. Ведь их было куда больше. Матерей, переживших своих сыновей. Вдов, в мирное время схоронивших мужей. Обветренные, еще молодые женские лица со следами бывлой красоты. Прибранные под выцветший платок волосы с паутинками се-

дины. Потранные телогрейки. Огрубевшие руки. Руки без перстней и манико-ра, но хорошо знакомые с косой и молотком, топором и лопатой...

На них теперь весь дом, дети, огород, скотина. Вдовья жизнь, она всему научит. И вот уже с первого удара разлетается под топором сосновое полено, ровно, как по линейке, ложатся под косой на лугу валки душистого разнотравья. И даже ночной шорох за окном, в первые дни после похорон мужа бросавший в дрожь и заставлявший до рассвета ворочаться в холодной постели, настороженно прислушиваться, не вызывает больше страхов, не нарушает крепкий от работы сон. Все приходит... Мужичья хватка, сноровка, привычка к одиночеству. И только одна горькая дума бередит душу, не дает покоя днем и ночью в опустевшем, без хозяйки доме: «За что такая кара? Ведь не война же!»

Не одна вдова на том сходке смахнула слезу. «Раньше бы этот Указ. Мой был жив!»

Ах, с какой удивительной смелостью теперь, в условиях гласности, набрасываемся мы сегодня на пороки давно минувших лет. Стремясь опередить друг друга, взахлеб пишем о жертвах культа личности. И не замечаем жертв иного культа — Бахуса. Не по ночам, не тайком от людей забирали их. Они пропадали у всех на виду.

Мы поднимаем вселенский шум, разжигаем страсти до небес вокруг какой-нибудь «заблудшей овечки», что сбегала за рубеж в поисках куска пожирнее. Выдвигаем всевозможные доводы в защиту свободы творческой личности. И забываем о тысячах и тысячах вдов, чьи мужья погибли или умерли от водки в расцвете лет...

Недавно прочитал записки известного председателя колхоза из Томской области Н. С. Жульева «Радуюсь хлебу». В 60-х годах Николай Степанович вывел в передовые отстающий колхоз «Маяк». Он вспоминает: «Были у нас в колхозе два брата Лихачевых. Оба грамотные, умные, умели работать. Ивана Михайловича уговорил пойти к нам главным бухгалтером. Знал, что он — любитель алкоголя, но думал перевоспитать. Бухгалтер был сильнейший, пожалуй, во всей области. Первый год не пил, навел порядок в учете, внедрил хозрасчет в бригадах. Работалось с ним легко, понимал меня с полуслова. А потом начал снова пить... Не дожив до шестидесяти, умер от цирроза печени. А Василий Михайлович, брат его, был бригадиром на кирпичном заводе. С ребятами и женщинами за лето выкагал до 300 тысяч штук кирпича. Умел организовать дело. Но тоже — как запьет — на две недели. Так и погиб от водки. Зимой пьяным пошел по переходу через речушку, упал и головой ударился об лед. Утром нашли окоченевшим.

Мы подсчитали, сколько в те годы по деревням колхоза «Маяк» погибло от водки людей. Вышел горестный, страшный список в сорок человек.

«На днях в деревне Тимониха похоро-

нили последнего моего сверстника, — делится своей болью с корреспондентом «Советской России» писатель Василий Белов летом 1985 года. — Понимаешь, последнего. А всего, если считать с начала года, лишь в нашем колхозе «Родина» водка унесла жизни одиннадцати человек...»

Северная Вологодчина. Родина моя — черноземная липецкая земля. Таежная Сибирь. Сотни и тысячи километров разделяют вас. А беда для всех — одна. Сколько их по стране, таких вот осиротевших после алкогольного шквала деревень. И кладбищ с печальными датами на памятниках безвременно ушедшим.

А ведь я когда-то наивно полагаю, что это только в моем родном Мелехове и окрестных селах губит мужиков хмельная напасть. Впрочем, откуда было знать о подлинных масштабах трагедии?

В начале 70-х прошел по экранам популярный фильм «Мачеха» с Татьяной Дорониной в главной роли. По повести М. Халфиной. На волне успеха писательнице предложили срочно подготовить сценарий новой картины. О пьянстве. Она рассказала о своем замысле драмы. Кинодеятели замысел отвергли.

— Нам бы что-нибудь смешное.

Но и Халфина, изучавшая жизнь не с арбатского балкона, была непреклонна.

— Не могу хихикать над национальным бедствием.

Низкий поклон Вам, Мария Леонтьевна, женщина трудной судьбы, что не польстились на дешевую славу, высокие тиражи и гонорары, хвалебные рецензии, не пополнили дружный хор зубоскалов, обрушившийся с эстрады, экранов телевизоров, кинотеатров на бедную жертву — алкоголика. Под эти шутки винокурные заводы, цехи изливали на наших людей все новые и новые потоки хмельного зелья. Кому-то ж надо было его пить, раз выпускали. И прямо пропорционально росту этих массивированных алкогольных залпов сокращалась продолжительность жизни наших мужчин.

Но разве нужна была в тех условиях правда о мужиках липецких, вологодских и сибирских?

Куда и как ее только не прятали! Помню, на одном идеологическом активе нам в перерыве показали выставку антисоветской литературы. И никто тогда не удивился, что рядом с диссидентскими журналами, сионистскими брошюрами, забрасываемыми из-за рубежа, лежало «Открытое письмо в Госплан» писателя Петра Дудочкина о вреде пьянства. Рядом! Понимаете! А потом организатор выставки с тревогой в голосе сообщил, что в Новосибирске появились трезвенники, выступающие с чуждых нам позиций. Было это в марте 1985 года.

Через несколько месяцев организатор той выставки ушел на пенсию. Времена меняются. Но вот уже в 1987 году одна из областных молодежных газет опубликовала интервью с Ф. Угловым по проблемам пьянства и алкоголизма. Редактора тут же вызвали «на ковер» к областному начальству. Дескать, академика печатать «не рекомендовано».

После некоторого замешательства, вызванного известным Указом, потоком посыпались на борцов за трезвость разгромные статьи, фельетоны. Какими только эпитетами их не награждают, какие ярлыки не клеят!

«Вышла к микрофону странная женщина, какая-то взвинченная, возбужденная и заявила: «Только сухой закон, только всеобщий запрет избавит от пьянства!» И повеяло духом тех времен, когда не на сознание, не на убежденность человека делалась ставка, а прежде всего — на запрет, и без рассуждений!» — А. Никонов, автор репортажа с размышлениями «Трезво о трезвости» в «Вечерней Москве», негодовал по поводу «поднявшейся со дна разной мути, пены», как называл он людей, искренне обеспокоенных пробуксовкой борьбы с пьянством. Вот что писал он дальше: «и здесь под флагом патриотизма били в набат об опасности «национального вырождения, нависшей над всеми нами». Нагнетанию этого предощущения «ужасного конца» пытался содействовать некий активист, повесивший себе на грудь плашет с фотографиями дебилных детей. Действительно страшно... Среди них были и люди, психически ненормальные... Вместо разумных, здоровых путей некоторые ревнители строгости предлагают мелкобуржуазные по сути методы, допуская истерические порывы, от которых еще на заре Советской власти предостерегал В. И. Ленин.

Даже Ленина не постыдились записать в союзники защитники горячительных напитков. Ленина, который 19 декабря 1919 года подписал Декрет, запрещающий производство и потребление алкоголя во всех видах. И это в Москве...

За рюмкой водки мы любим порассуждать о том, что «сухой закон» не поможет, ведь не оправдал он себя в Америке. Да, чего-чего, а уж иноземную историю мы знаем прекрасно. Но до сих пор мало кто слышал, что в России десять лет действовал «сухой закон», отмененный лишь после смерти Ильича. А несколько лет назад этот факт вообще был чуть ли не под запретом. Много ли мы могли прочитать о нем?

И вот уже поднимается напуганное было Указом «культурпестов». Мечет громы и молнии на головы тех же несчастных алкоголиков. «Ненавижу пьяниц, никогда в жизни не был крепко пьян», — заявляет главный редактор журнала «Огонек» В. Коротич в журнале «Здоровье» под рубрикой «Здоровый образ жизни. Ваше мнение?». Так что делай вывод, читатель. Понемногу можно. Знай лишь меру.

«Мы пьем из маленьких стаканчиков вино, которое нельзя пить — его можно только вдыхать, как аромат цветов весной в горах...» — восторженно описывает А. Гербер беседа с Т. Абуладзе («Юность», № 5, 1987 г.). Видимо, не без воздействия аромата метр изрекает: «Люди, мне кажется, делятся на две категории: богоподобные и скотоподобные».

Вот так, ни больше ни меньше! Осталось лишь разобраться, откуда взялось это

скотоподобное существо, и посадить его в клетку, как замышляет сделать овеянный славой режиссер в своем следующем фильме.

Но ведь уже давно разобрались. В прошлом веке. Вспомним мудрые, пророческие слова Ф. М. Достоевского: «вино скотинит и зверит человека». То самое вино, которое вдыхает богоподобный режиссер, думая о скотоподобных.

И разве только взрослых превращает оно в скотов? Дебилные дети, над фотографиями которых иронизирует автор репортажа в «Вечерке», увы, не выдумка борцов за трезвость. Человеческие существа, с первых дней жизни лишены разума, — за что ж они-то так страшно наказаны? Ведь сами не выпили ни глотка. А питомцы многочисленных детских домов, по которым мы вынуждены принимать специальные постановления, создавать Всесоюзный фонд помощи?

Откуда они взялись в наше время? То же — следствие алкоголя, о чем если и говорим, то как-то вскользь, мимоходом.

Вино скотинит... Но вот читаю статью Ю. Черниченко «Мускат белый красного камня» («Огонек», № 33, 1987 г.). Понятна боль известного публициста о винограде, который долгие годы переводился на «бормотуху». Но вывод? «Если при прежнем виноградарстве, с большой долей фальсифицированных вин, южнобережное виноградарство приносило 30—34 миллиона годовой прибыли, то при полном нуле «бормоты», при тридцати процентах столовых сортов, двадцати процентах на соки и безалкогольные напитки и при половине валового сбора гроздей на сухие и марочные вина прибыль может не уменьшиться, а достичь даже 36—38 миллионов. И так далее по каждому региону».

Даже в «Казанях-Рязанях», по выражению Черниченко, дети вволю еще не попробовали винограда. Что уж говорить про деревни. Во многих селах его и не выдывали. Впрочем, бог с ним, с виноградом, сколько лет жили без него и еще проживем. Но зачем отбирать у детишек сладости, фрукты, игрушки, книжки, вместо которых родители приобретут несравненный «белый мускат». Ведь в эти скрупулезно подсчитанные 36—38 миллионов рублей прибыли по одному лишь региону войдут деньги, отнятые у детей. Марочные вина — дорогие. Зачем лишать мальчишек, девчонок радости рыбалки с отцом, похода за грибами или просто прогулки, чтения книжки, подсовывая главе семьи бокал сухого ароматного? Черниченко ли не знать, что «бормотуха», «гнилушка», «червивка», «Слезы Мичурина» не сразу заполнили прилавки. Стояли там когда-то более благородные вина, настоящие, наливки. Где гарантия, что история не повторится. Впрочем, алкоголь всегда останется алкоголем, ядом, будь он разлит в обычную поллитровку или эффектную бутылку с этикеткой, сплошь усыпанной медалями. Только вкус разный. Но ведь к сладкому, приятному вину легче привыкнуть. Потом приходит черед «бормоты», водки, сладкое уже — что вода. Для скольких людей мускат белый красного камня обо-

рчивались в конце концов серой могильной плитой.

Понимаю, от поэзии солнечной лозы переходить к такой прозе, как кладбище, не очень-то приятно. Да и не принято. Даже в нашу пору гласности. Раздаются и такие голоса. Мол, «кто не пил в то наилучшее время?»

Удобная позиция. Мол, все такими были. Время виновато.

Но была в стране еще целая область, где как могли сдерживали хмельной напистк.

2. УРОК СКЕПТИКАМ

В начале июня 1985 года на нефтяных промыслах томского Севера гостили актеры МХАТа. После концерта радушие хозяева угощали москвичей. Водрузили на стол самовар. И налили в чашки крепкий ароматный чай.

— Указ о борьбе с пьянством только вступил в силу, — пошутили гости, — а в такой глуши уже успели отреагировать на «брызги шампанского»?

И в ответ слышали: «У нас уже несколько лет полный запрет на алкоголь. Трезвая зона».

«У нас» — это в вахтовом поселке томских нефтяников Пионерном, что поднялся в самом центре знаменитых васюганских болот.

Работает здесь около семи тысяч человек. В основном молодежь. И с каждым годом коллектив растет. Как и количество «черного золота», получаемого отсюда страной.

Трудностей в начале освоения было предостаточно. Необжитые края, суровый климат, бездорожье и... водка. Потери от пьяных прогулов, угробленной в хмельном угаре техники, нарушений технологии были огромны. А несчастные случаи!

В местном магазине водку не продавали. Но вахтовиков это не страшило. Залетая в Пионерный из Кемерова, Новосибирска, Казахстана, они прихватывали с собой изрядный запас спиртного. И тогда на пути пьяниц встал шофер Иван Канна, командир комсомольского оперативного отряда. Худенький двадцатилетний паренек.

Путь у спиртного сюда один — самолетом. В первый же день рейда в Стрежевском аэропорту оперативники — те же молодые нефтяники, свободные от вахты, — конфисковали более трех ящиков водки. Проверки шли одна за другой. Пьяницы не хотели расставаться с вольницей. Прятали бутылки куда могли. У одного Иван обнаружил тайник в магнитофонных колонках.

Ивану грозили расправой, обрезали телефон в штабе отряда. Но парень стоял на своем.

— Не жаловались на самоуправство?

— Чего не было, того не было. Ведь все пассажиры Аэрофлота проходят досмотр — таково правило. Водку, к сожалению, еще разрешают провозить на самолетах. Но у нас — особый случай. На завод, фабрику приносить спиртное нельзя. Это всем известно. А вахта — то же производство.

Впрочем, действовали здесь не только

запретами. Развивали соцульбиты. В одном из пятиэтажных общежитий появился зимний сад с экзотическими южными деревьями. Это на Севере-то! Любопытна история с тиром. Если все вести в обычном порядке — титул, смета расходов, проект и прочее — сколько времени бы ушло. Иван Канна присмотрел кладовку в общежитии, пустующую рядом комнату. Собрал своих комсомольцев. Разломали они кирпичную стену, сварили сейф для оружия, сделали стенды. Через три дня Иван полетел за пневматическими винтовками.

...Водитель Анатолий Демидович Корнюхин, с которым мы в то лето 1985 года целый день мотались по разбросянным в тайге буровым, нефтепромыслам, рассказывал:

— Рядом я из Кустаная. А видишь, куда забрался! О Сибири много слышал.

Решил махнуть в эти края. Прилетел, стал устраиваться в одну организацию. Первый вопрос — заработки, техника. Показали мне «МАЗ» новехонкий, только с платформы. Мечта шофера. Деньгами тоже обещали не обидеть. Пока шло оформление, решил вещички забросить в общежитие. Вхожу — батюшки свет! Стены обшарпаны, грязь, бутылки пустые повсюду. В комнате компания веселая. Накурено, водка на столе. А мужики гогочут: «Северная специфика, друг. Привыкай. Морозы здесь — сила! Без сорокаградусной нельзя».

Посмотрел я, посмотрел и назад в аэропорт. Не надо, думаю, гор золотых, рублей длинных. В очереди уже стоял за обратным билетом, когда услышал про порядок у томских нефтяников. Не поверил, но решил — слетаю. Добрался до места — и сразу в общежитие. Небо и земля! Чисто, уютно. В комнатах порядок. Ни одной бутылки. «Как с этим делом?» — ребят спрашиваю и себя по горлу щелкаю.

— Строго. «Сухой закон».

Только тогда в контору транспортную пошел. Машинешку дали старенькую, сам видешь. Но уже который год в Пионерном. Покидать его не собираюсь. Честно скажу — разреши здесь водку — больше половины народу сразу уедет. Привыкли уже жить к тишине, порядку. Раз один новичок пьяным прошелся по поселку. Как на динозавра все смотрели, пальцем показывали.

...Вечером я долго бродил по Пионерному. Не скрою, полагал увидеть хоть одного человека навеселе. Дотошно осматривал этажи нескольких рабочих общежитий. Гремела в спортзале штанга, взлетали над сетками волейбольные мячи, стучали бильярдные шары... Тихо звенела гитара. В комнатах отдыха вахтовики смотрели телевизор, в учебных — сидели над книгами. Нигде не заметил разбитых стекол, поломанных перил. Не услышал разговора на повышенных тонах.

Пьяного в тот вечер встретить так и не удалось. Когда рассказал о своих наблюдениях Ивану Канне, тот улыбнулся:

— Все поначалу не верят, удивляются, как так можно.

Удивляться есть чему. Торговля, общепит работают без спиртного и абсолютно от этого не страдают. По комсомольским путевкам приехал сюда отряд «Сервис» —

сотня девчат из лучших кафе, ресторанов Прибалтики, Белоруссии. Думаєте, разбегались, узнав о «сухом законе»? Работают в столовых. Замуж повыходили, детишками обзавелись.

С введением в поселке «сухого закона» стало меньше забот у фельдшера Н. И. Янушко. «Прежде каких только пациентов не доставляли. Бывали и с белой горячкой. Суррогатами всякими травилась. Сейчас работать стало легче».

Эту фразу — «легче стало работать» — я слышал от многих: руководителей, специалистов, самих рабочих. «Трезвый образ жизни утвердился в Пионерном прочно, — считает главный инженер объединения «Томскнефть» Ф. И. Бадиков. — Хотя были сначала скептики. Мол, запретим водку — народ побежит. Кому тогда работать? Но текучесть кадров у нефтяников после «сухого закона» даже сократилась». Фаис Идрисович знает об этом не понаслышке. Долгое время возглавлял НГДУ «Васюганнефть», базирующееся в Пионерном. Ну а как же традиционное гостеприимство? Ведь как считают многие — без бутылки гостей встречать неудобно.

— К нам часто приезжают писатели, художники, артисты. Долго жили специалисты из ГДР, — рассказывал секретарь объединенного Васюганского парткома С. В. Кузнецов. — На столах только чай, кофе. И ничего, обходимся. Какие зато разговоры интересные, чудесное отношение за самоваром. Бутылка так не сблизает.

Конечно, проблем в Пионерном еще хватает. И водку иные провозят тайком. Случаи единичные, но бывают. Лучшего оставляет желать и организация досуга. Есть свои претензии у рабочих и к торговле, общепиту...

Но главное: утвердился порядок, дисциплина. Давно исчезла водка и в Стрежевом — столице томских нефтяников. Здесь набирает силу движение «Комсомольский город — территория трезвости». Тот же Иван Канна возглавил горком ДОСААФ, активно развивает военно-прикладные виды спорта, дельтапланеризм.

История в Пионерном — не исключение, а характерный пример для томичей. В том хмельном разгуле, царившем в 70-е — начале 80-х годов, областная партийная организация, возглавляемая тогда Е. К. Лигачевым, решительно боролась с «зеленым змием». На свой страх и риск обком сокращал время продажи спиртного, ограничивал число вино-водочных магазинов. Случалось, во всем Томске «злодейку с наклейкой» можно было купить лишь в одной-двух торговых точках. Огромные очереди? Что ж, кто-то не выдержит, уйдет. А другой вообще пройдет мимо. Нередко целые районы надолго оставались без спиртного. Можно только догадываться, каких усилий стоило руководителям области сдерживать хмельной поток. Ведь подобное тогда не приветствовалось.

Несомненно, запреты «ущемляют права», чем даже и сейчас пытаются упрекнуть томичей. Но ругать, высмеивать алкоголиков, твердить, что водка — бяка, и в то же время наращивать ее выпуск,

продажу, фактически спаивать людей — согласимся, двулично. Томская позиция — честнее. Здесь спасали людей, сохраняли семьи. Первыми в стране внедрили наркологическую службу. Во главе ее стоял А. И. Потапов, ныне министр здравоохранения РСФСР.

Но давайте посмотрим на эту проблему и с другой стороны.

«Наших руководителей, особенно партийных, значительно меньше коснулись те негативные явления корыстолобия, стяжательства, чванства, о которых так много теперь говорится в печати», — справедливо отмечает член ЦК КПСС, первый секретарь Томского обкома партии В. И. Зоркальцев («Аргументы и факты», № 39, 1987 г.). Действительно так. И одна из важнейших причин — здесь не подбирали кадры с помощью «коньячно-шашлычных», «огуречно-водочных» методов. Людей ценили и оценивали за конкретные дела, а не за умение щедро угостить начальство. Руководящие попойки не поощрялись. А если случался за кем грех — освобождали сразу. Тоже ущемление «прав». Хотя в других местах... Недаром же за последние годы часто называют за стол ьными. Это взаимосвязано. Пьянство и прогресс несовместимы.

Трезвый подход томичей к жизни в те времена бодрых рапортов, приукрашивания действительности, видимого благоденствия, нежелания портить отношения с «верхами» проявлялся не только в запретах на попойки.

Возьмем уже знакомый вам город нефтяников Стрежевой. Его часто сравнивают с другими городами нефтяного Приобья. И всегда отдают предпочтение. Здесь не мозолят глаза непременные спутники молодых сибирских городов — неказистые времянки, убогие балки. Немного лучше развит соцкультбыт. Почти половина семей имеет дачные участки, и потому даже летом томские нефтяники не рвутся с Крайнего Севера на берег Черного моря. По обеспеченности теплицами «на душу населения» Стрежевой — один из первых в стране.

Хотя и была в самом начале для этого города опасность превратиться в беспорядочное скопище балков, барачных, безликих кирпичных домов. Разве мало подобных примеров знаем мы из истории освоения природных богатств в Западной Сибири? Обычно ведомства все силы бросали на производственные задачи, а вопросы социальные оставляли «на потом». Жили исключительно интересами производства, а не интересами людей. Сейчас положение исправляется, но какой ценой!

Стрежевчане не пошли на поводу у вредной «традиции», преодолели ведомственные амбиции, разобщенность. Был выдвинут лозунг — «Суровый климат — не суровый быт!»

В 70-е годы городскую парторганизацию возглавил Виктор Зоркальцев. Промыслы в ту пору лихорадило. Руководители объединения «Томскнефть» оправдывали срывы весьма типичной причиной — нехваткой кадров. Для выполнения плана они просили еще шесть тысяч человек. А

молодой секретарь взял да и запрета в Стрелевом прописку, что произвело эффект разорвавшейся бомбы. Во все инстанции полетели жалобы от хозяйственников. «Как же нам справляться с планами, повышенными обязательствами, если он не разрешает брать людей!» Нажим со всех сторон. Но Е. К. Лигачев одобрил решение секретаря: «Доверили отстающий участок, пусть работает, выправляет положение. Не будем мешать».

Зоркальцев стоял на своем. Собрал все домовые книги в сейф к начальнику милиции. Сам лично выдал разрешение на прописку. Единцам. Хозяйственникам отвечал: «Вам нужны рабочие? Оформляйте. На каждого парня, девушку обещайте местом в благоустроенном общежитии. Семейные? Квартиру. Детям их — садик, ясли, школы. Так что стройте жилье, развивайте соцкультбыт. Но часть квартир — первопроходцам, что ютятся в деревянных времянках».

Была у Зоркальцева особая карта, на которую нанесли все балки. И с каким удовольствием после сдачи очередной девятиэтажки: зачеркивал он на той карте времянки. Значит, кто-то еще переехал в благоустроенную квартиру, отпраздновал новоселье.

С Зоркальцева требовали нефть, а он и нефть давал и строил теплицы, развивал совхозы, закладывал птицефабрику. Как-то собрал актив города. Выступил с короткой речью. «Надо подать пример остальным, заводить садовые участки». — «В болотах? Так здесь же ничего не вырастет». — «Попробуем!» Кто-то сослался на сидящего здесь прокурора. Дескать, мы бы и рады, да как он отнесется к перегибу? (В ту пору отношение к садовым участкам было противоречивым. Иные видели в них возврат к частной собственности. Немало препон ставили.) «Прокурор пусть тоже строит. Берите все отходы, что летят в костры устроек, леса коугом хватит».

В первый же год появилось более 600 участков. Даже соревнование началось между стрелевчанами. И спала в городе острота с картошкой, овощами... В болотах, на севере. Где зачастую еще в июне кружат в воздухе белые мухи.

Было это, повторяю, в 70-е годы, когда повсюду производство оттесняло на задний план социальные вопросы. Особенно в Западной Сибири, где мощные фонтаны «черного золота» кружили головы многим руководителям. Награды, почести, быстрые взлеты по службе. До забот ли о рядовом труженике в этой голке?

Время все расставило по местам. Партий осужден порочный принцип перекося в сторону производства в ущерб социальной сфере. Обрели права гражданства те же садовые участки, личные подворья. Но какой нанесен ущерб стране, людям?

А стрелевчане делятся сегодня огурцами из своих теплиц с соседями-нижневартовцами. Возле таежного Нефтеграда создано более четырех тысяч мичуринских, как их называют томичи, участков. Здесь выращивают вопреки скептикам, картошку, помидоры, другие овощи. Энтузиасты

сажают даже стелющиеся яблони, разводят пчел. Вот уж действительно, «суровый климат — не суровый быт». Производственные планы? Они стабильно выполняются. И недаром на встрече в Тюмени Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев назвал среди лучших коллективов региона объединение «Томскнефть».

А вопросы сельского хозяйства? Томичи могли бы сослаться на то, что дают стране деловую древесину, нефть, и в обмен на все это что называется, с чистой совестью требовать продукты питания. Дескать, Сибирь — зона рискованного земледелия, без морозов живем немногим больше двух месяцев в году. Но они пошли иным путем. Давно уже отказались от дотации государства на продукты полеводства, животноводства, ими обеспечивают себя сами. И даже делятся с соседями. Поистине всенародной стройкой стал Кузовлевский тепличный комбинат, крупнейший в Сибири. Когда в 1982 году его досрочно сдали в эксплуатацию, ЦК КПСС направил приветствие не только строителям, но и овощеводам. Это не случайно. Сооружение комбината шло одновременно с его освоением. Ко времени пуска горожане получили из Кузовлева свыше шестнадцати тысяч тонн помидоров, огурцов, лука... Кстати, работает он на вторичном тепле, от Томского нефтехима. Тем же методом народной стройки сооружали другие объекты агропрома областного центра: свиноподкомплекс на 108 тысяч голов, коллектив которого к моменту подписания акта государственной комиссией не раз становился победителем Всесоюзного, Всероссийского соревнования, бройлерную птицефабрику.

Каждый год проводится фестиваль искусств «Северное сияние». Лучшие творческие коллективы страны приезжают в гости к томичам. На теплоходах плывут по Оби, выступают в городах, селах, на буровых...

Во многих больших городах страны стала традицией: по субботам лыжники заполняют электрички, «поезда здоровья» и едут «на природу». Томичам подобный транспорт ни к чему. Достаточно войти в любой автобус, троллейбус или трамвай, и через пятнадцать-двадцать минут ты в тайге. Выбор богатый. Любишь мчаться по сугробам сквозь хоровод белоствольных красавиц — прямая дорога тебе в Березовую рощу. Желашь полной грудью вдыхать целебный хвойный воздух — отправляйся в знаменитый Сосновый бор. Хочешь не спеша побродить среди темно-зеленых великанов в белых снежных шапках — езжай в Богашевский кедрчак. До него тоже рукой подать. А многим транспорт вообще ни к чему. Вышел из дому, а лес — вот он, через дорогу. Ведь город лежит в окружении тайги. Каждому найдется здесь живописный уголок природы по душе. И маршрут по силам. Повсюду пролегли трассы, маркированные разноцветными флажками. Устанешь — заверни к расписному терему «Чай на лыжне». Не хочешь ждать выходного? Можешь каждый вечер после работы совершать пробежки. Хотя до глубокой ночи. Ведь во всех районах города имеются освещенные трассы.

И томичи сполна используют все эти возможности. Еще не успевт раздеться утренний сумрак, а на улицы выходят лыжники в ярких спортивных костюмах. И так до поздней ночи. А по выходным буквально весь город встает на лыжи. Целые семьи, цехи, заводы отправляются на природу.

Снег лежит здесь почти полгода. И каждый выходной проходят всевозможные соревнования. Среди них популярные конкурсы: «Всей семьей на старт», «Лучший лыжный цех», «Лучший среди вузов, школ, ПТУ», «Снежные узоры», «Томская метелица». Ставшие традиционными областные финалы на призы земляков — чемпиона мира А. Утробина и космонавта Н. Рукавишникова, сибирских газардейских стрелковых дивизий. Своих поклонников приобретают «Комсомольская лыжня» и зимние игры для малышей «У нас во дворе». Массовыми стали и зимние сельские спартакиады.

Желающие испытать радость полета — добро пожаловать на трамплин. Есть где сфлифовать свое мастерство и любителям лыжного балета — фристайла. Томская команда — одна из сильнейших в стране.

Главная цель, конечно же, не рекорды, а здоровье, активный отдых. На это и ориентировало постановление Томского обкома КПСС «О мерах по развитию в области массового лыжного спорта», принятое в 1977 году. Оно сыграло решающую роль в создании системы физического воспитания трудящихся, молодежи, сделало лыжи столь популярными у томичей. О чем свидетельствует тот факт, что Томск является неоднократно призером всесоюзного конкурса городов «Лыжня зовет». Среди лауреатов — Колпашево, Стрежевой.

Лыжи, фестивали искусств, свежие огурцы и помидоры в морозную пору, мичуринские участки... Они стали хорошей альтернативой бутылке. И все-таки, все-таки... Мы больше оборонялись, чем наступали. Но оборона была успешной. Более десятка лет, до самого Указа, здесь не увеличивалось количество проданной алкогольной продукции. А водка, в расчете на душу населения, за 1974—1984 гг. даже уменьшилась на треть. Согласимся, что в тех условиях это было большим достижением.

И вот май 85-го. Актив области намечает пути по выполнению решений партии и правительства по борьбе с пьянством и алкоголизмом. «Закрыть рестораны на вокзале, в аэропорту, речпорту...» Это понятно, вопросов нет. «Запрещена продажа алкогольных напитков вблизи производственных предприятий и строек, учебных заведений, общежитий...» продолжает зачитывать документ тогдашний первый секретарь обкома КПСС А. Г. Мельников. — Давайте конкретно определим «вблизи». Пусть будет равняться пятистам метрам. Это надо было видеть! Торговые работники начали лихорадочно подсчитывать, перерядываться. Растерянные лица. Недоуменные возгласы в зале.

— Да-да,— твердо заявил Александр Григорьевич.— Придется почти все закрыть.

В полумиллионном городе оставили лишь

два водочных магазина, и те вынесли на окраины. Да семь винных. Время продажи — с 17 часов. Норма — две бутылки на человека. В Стрежевом пошли еще дальше. Оставили один магазин. В одни руки — одна бутылка вина. От водки отказались сразу. Примерно такая же картина в остальных районах. Во всей области — два ресторана со спиртным. Все кафе без исключения — безалкогольные.

А теперь несколько цифр. В 1984 году в области было продано алкоголя на 220 миллионов рублей. В 1985-м — на 153 (это, напомним, при увеличении цен. В объемах снижение еще больше). В январе 1986-го на областной партийной конференции делегаты из сельских районов отметили тревожную тенденцию. Несмотря на постановление партии и правительства, потребсоюз сверху планирует увеличение продажи спиртного. Даже в Шегарском, Кожевниковском, Зырянском районах, объявивших себя «зонами трезвости». И в целом на область был доведен план в сумме 167 миллионов рублей. Как видим, больше, чем продано в предыдущем. Реализация же составила всего 67 миллионов рублей. 1987 год. План — 103 миллиона. Выполнение — пятьдесят процентов. Можно только приветствовать подобные провалы плановых заданий.

И еще сравнение. В 1984 году область произвела алкоголя на 183 миллиона рублей. В прошлом, позапрошлом — лишь на 3 миллиона. Сразу же были закрыты заводы Росвиншампанпрома, «Самтрест», ликеро-водочный, винцехи потребсоюза. Остались три пивзавода, на продукцию которых и падают те три миллиона.

Летом 1986-го и в Томске прекратили продажу водки. А 29 октября вновь стали ею торговать. На первый взгляд событие самое заурядное, не стоящее внимания. Водка на прилавке. Эка невидаль даже для сегодняшних дней. В Томске обернулось иначе. Сразу же в обком, горком партии, в редакции газет стали звонить люди. Пошли письма. От целых коллективов.

«Мы, комсомольцы ТИСИ, возмущены. Кому мы должны быть «благодарны» за дискредитацию ВЛКСМ? Почему в молодежном студенческом городе, где активно претворялось в жизнь постановление партии об алкоголе, вдруг открывают продажу водки? И не случайно ли это «событие» приурочено именно к Дню рождения комсомола? Мы требуем наказать работников торговли и ответственных работников, санкционировавших эту акцию. По поручению группы студентов Л. Репина, Л. Кондакова». «Подобное равнение работников торговли — саботаж Указа. От имени студенческой молодежи мы требуем изъять алкоголь из продажи. Требуем последовательного выполнения программы партии — поэтапного вытеснения алкоголя из нашей жизни. А. Ищенко, Пашко, Дорошев, Семенов и другие студенты ТИАСУРА». «Чем скорее прекратится продажа спиртного, тем лучше будет для всех, в том числе и для выпивох. Г. Бутakov, ветеран войны и труда».

Строчки лишь из трех писем, опубликованных местными газетами. Подчеркну, что

речь шла не о массовой продаже на каждом углу — о нескольких магазинах. И да, конечно, тут ни при чем. Но какова реакция?! Под воздействием этих писем, звонков уже через четыре дня водка исчезла с прилавков Томска. Теперь уже навсегда, заявил первый секретарь обкома КПСС В. И. Зоркальцев. Завоз ее в область прекращен. Напомню, что свой ликеро-водочный томичи прикрыли сразу.

Впрочем, нет худа без добра. Те четыре дня стали лакмусовой бумажкой, своеобразной проверкой общественного мнения. И когда после стали раздаваться «звонки сверху», дескать, почему нет водки, товара первой необходимости, мы вас поправим, в Томске могли спокойно сослаться на те возмущенные письма. «Сорокаградусная» исчезла по желанию самих горожан. Город, привыкший за несколько месяцев к покою и порядку, сказал алкоголю свое решительное «нет!».

Любопытная информация к размышлению «знатокам и защитникам интересов простого народа». В томской газете «Красное знамя» не раз публиковали призывы читателей объявить всю область безалкогольной. Активисты общества борьбы за трезвость филиала СО АН СССР опросили две тысячи человек в Академгородке и двух соседних пригородных поселках. Почти половину взрослого населения. Самыми горячими сторонниками трезвого образа жизни были... рабочие. А вот ученые, интеллигенция, увы, больше привержены к «культурпитейству».

Хотя, конечно, запреты ущемляют кого-то. Растерянность торговых работников, услышавших страшную для себя фразу «пятьсот метров», не случайна. По образному выражению Василия Белова, привыкли они торговать лежа на боку. Развернули их бутылки за долгие застойно-застольные годы. «Что же это творится? — возмущалась сразу после Указа работница Стрежевского орска.— Водку запретили! Теперь люди в Нижневартовск едут, ящички там закупают. Наши деньги к соседям уплывают. Наши деньги!»

Вроде бы сочувствовать людям надо. Беда! Как планы теперь выполнять? А вечером я помогал молодому слесарю Анатолию Гадзиковскому в его квартире собирать мебель. Во время отпуска он купил на Украине за пять тысяч «стенку» и гарнитур на кухню. «Неужели бы я стал терять время, искать контейнер, платить полтыщи за перевозку, если б мог у себя все приобрести? — жаловался парень.— Да еще узелок с ключами, замками запропастился куда-то в суматохе. То ли в магазине его не положили, то ли потеряли на пристани? Поди теперь отыщи. Одни убытки».

Так что подальше Нижневартовска уплывали деньги томских нефтяников. На Украину, в Москву, Ленинград... Но орснефтяников было сподручнее делать план водки, чем той же мебелью. Первые баржи, спешившие в Стрежевой по весне, были с бутылками. В народе их так и прозвали «пьяными». Сразу после Указа руководство города дало «пьяным баржам» отбой. Завернуло назад, хотя торговля протестовала.

Уже в 1986-м торговля области не выбрала из фондов товаров более чем на десять миллионов рублей. Так велика была инерция лежебок.

А ведь действительные, пошли, поехали, полплыли в соседние области за зельем. Стрежевчане — к томянцам. Томичи и жители соседних районов — в Новосибирск, Кемерово. Тегульдетцы — в Красноярский край.

В дни зарплаты в тех же зырянских колхозах стали командировать людей в Кемеровскую область. На машинах, даже тракторах. Те закупали бутылки ящичками. Пришлось выставлять милицейские наряды на дорогах.

Но драматизировать ситуацию с «гонцами», «ходоками» особенно не стоит. Было бы удивительным иное. Если бы сразу после Указа все бросили пить. Чудес не бывает. Столько лет спаивали... Иным не под силу сразу отказаться от соблазна. Отсюда и длинные очереди, самогонка, поездки к соседям. Не идти же на поводу у этой части людей.

В Томске действовали не только запретами. Сразу же взялись за реконструкцию пищевых предприятий. Увеличили их мощности, ассортимент продукции. Переориентировали винзаводы. Самтрестовский отдал под базу областного управления пищевой промышленности. Ликеро-водочный стал выпускать уксус, горчицу, майонез, который раньше откуда только не завозили. Завод Росвиншампланпром переориентировали на печенье, пряники, мармелад. Соответствует своему новому названию завод безалкогольных напитков (бывший пивоваренный, старейший в Сибири). Хотя бродит в его подвале и пиво, основная продукция теперь — квас, лимонад, сидр... Всего 14 наименований. Так же переориентировали и винчеда потребсоюза. В короткий срок возведен цех мороженого на итальянском оборудовании. Так сняли проблему с детским лакомством.

...В 1986 году прозвучал клич «Построим за лето в областном центре 40 безалкогольных кафе!» Ну не странные ли люди эти томичи? Сразу после Указа и имевшиеся два десятка кафе пустовали. Прогорали. Их персонал не знал, как заманить посетителей. А тут еще целых сорок. На тысячу мест.

Ан нет, был свой расчет. Общественное мнение изменилось. Да и кафе планировали не типовыми «стекляшками». Где оборудовали подвал, заняли старую водонапорную башню, соорудили уютный домик... Кстати, само число сорок взяли не с потолка. Примерно столько предприятий имеют в областном центре строительные подразделения, мощности. Сооружали кафе всем миром. Без всяких там типовых проектов, согласований, документации. Не было издано ни одного приказа, не объявлено ни единого выговора отстающим. Поджимали не выговоры — соревнования. Кто лучше, оригинальнее. И потому управились за несколько месяцев. Среди кафе нет двух одинаковых. По оформлению, ассортименту, блюдам. Где размещается полсотни человек, чаще — десять-двадцать. Но все они не пустыют. В минувшем году столько же было построено и в районах области.

Вновь стали возрождаться забытые было ярмарки, массовые народные праздники, гулянья. Несмотря на сибирские трескучие морозы, до утра празднуют на улице Новый год... Спешат к местам отдыха автолавки. Теперь работникам торговли некогда лежать на боку.

Шесть районов области объявлены «зонами трезвости».

Раньше, когда журналисты приезжали в Шегарку, их под любым благовидным предлогом старались отправить в краснознаменный колхоз «Гигант», единственное рентабельное хозяйство в районе. Там и урожаи были высокие, и с мясом, молоком, как говорится, полный ажур. В целом же район почти всегда плелся в хвосте. И казалось, руководители района уже смирились со своей участью, привыкли к разносам на активах. Но вот приезжаю в райком с рейдовой бригадой, проверяющей ход зимовки. И слышу: «Выбирайте адреса».

— И в Трубачево можно?

— Пожалуйста.

Ну и дела! Колхоз имени XXIV съезда КПСС был, что называется, самым завалищим. Проваливал все планы. А тут...

Надои за три тысячи. На ферме — чистота, порядок. Коровы ухожены. Двухсменная. И доярки бодрые, веселые, не жалуются, как обычно. Показали сауну, столовую, магазин при ферме.

Так что же произошло?

С июня 1985-го район стал «трезвой зоной». «Раньше некогда было смотреть вперед, думать о перспективе,— объяснил ситуацию председатель колхоза имени XXIV съезда КПСС, Г. Каплунов.— Думали-гадали, как подменить запившую доярку, скотника. На «днях животновода» только и знали, что разбирали пьяниц, стыдили, наказывали. На хороших, работающих людей времени не оставалось. Сейчас проще. Отсюда и результаты».

Предвижу реплику: «Но ведь был же передовой «Гигант». Вот мнение председателя «Гиганта» Владимира Ивановича Лещени, знаменитого, уважаемого в области руководителя. «Запрет на продажу спиртного оздоровил обстановку. Явные алкоголики — и те с одобрением говорят: давно бы так! Я раньше только и делал, что разбирался с пьяницами. Воспитывал их, а толку никакого. Теперь мы целиком и полностью занимаемся делом. И впечатление такое, будто больше рабочих рук стало».

И снова цифры. Доля спиртного в товарообороте Шегарского района составляла прежде 4,5 миллиона рублей в год. Почти четверть. И хотя алкогольными напитками сейчас совсем не торгуют, товарооборот восстановлен. Как? За счет местных ресурсов. В продаже появились колбасы, сметана, творог, тесто, мороженое, сырки, кефир, окорока... Все это стало производиться на месте. Ведь увеличились надои, привесы в колхозах, совхозах. Расторопнее стала и потребкооперация. Во много раз увеличили закупки мяса, молока у населения, заготовку грибов, ягод, орехов. Появились новые магазины, кафе... На реконструкции пищевых предприятий, объектов торговли, общепита освоено свыше четверти миллиона рублей. Больше стали выпускать товаров народного потребления, стройматериалов. Все это и позволило закрыть брешь в бюджете района.

Подобный путь характерен и для всей области. За 1985—1986 годы здесь потеряли на сокращении реализации вино-водочной продукции 152 миллиона рублей. За счет ассортимента товаров, роста услуг смогли наверстать лишь 145,5 миллиона. В минувшем году разрыв в бюджете был перекрыт.

Наступление продолжается.

Томск.